

УДК 81'27.111.001.11

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА-ИМЕНОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА 'ЦЕЛЬ'

Яценко Т.А.

Культурный концепт рассматривается в качестве основы языковой картины мира и базового понятия когнитивной лингвистики во многих зарубежных и отечественных лингвистических работах последних десятилетий (Г.Ф. фон Вригт, З. Вендлер, А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин, В.А. Маслова, Т.А. Космеда, В.Н. Манакин, Н.В. Слухай, Л.Н. Синельникова, Е.А. Селиванова, Г.Ю. Богданович, Л.П. Иванова и др.).

К числу мировых концептов, несомненно, относится и культурный концепт 'Цель' [1;13;23;32]. Актуальностью смыслового содержания 'Цели' и разнообразием лексико-грамматических средств ее выражения объясняется многочисленность лингвистических исследований языковых средств выражения целевых отношений как одного из видов отношений обусловленности (А.К. Жолковский, Ю.Д. Апресян, И.Б. Левонтина, Е.В. Рахилина, И.Р. Выхованец, В.М. Брицын и др.).

Между тем, особенности 'Цели' как константы славянской, и в частности русской, культуры выявлены недостаточно полно. В дальнейшем исследовании нуждается образная составляющая концепта и области его пересечения с другими концептами. Весьма перспективным представляется изучение индивидуальных (авторских) концептов в художественных текстах, а также обращение к работам по теологии и философии.

В моих работах, посвященных анализу культурного концепта 'Цель', отчасти уже представлены результаты исследований зон пересечения важнейших культурных концептов [36;37], а также некоторые особенности реализации данного концепта в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» [38]. Роль этимологии и семантики слова-именования концепта для раскрытия его смыслового и образного содержания рассмотрены на материале концепта 'Причина' [39].

Новизна исследования, которому посвящена данная статья, состоит в обращении к этимологическим данным, а также к материалам славянских и некоторых других языков для выявления смысловой и образной составляющей концепта 'Цель' и динамики его развития.

Основные цели статьи: прояснить внутреннюю форму слова *цель* в сравнительно-историческом аспекте; установить связь между внутренней формой слова и содержанием концепта.

Материалом исследования послужили толковые, этимологические, двуязычные и культурологические словари разных типов [4;5;8;9;15;26-29;32;33;35;40-43].

Теоретические основы исследования: 1. Концепты, являясь единицами сознания, картиной мира, отраженной в человеческой психике, складываются в концептосферу языка и обладают гносеологической ценностью [12;13;16]; 2. Культурный концепт понимается как языковая реализация ментальной единицы, детерминированной национальной культурой [1;10;17-20;30];

3. Исследование культурных концептов предполагает обращение к фактам истории языка [11;20;24], а также к приемам и методам сравнительного анализа [18;32].

Концепт представляется, главным образом, в виде имени, выражающего обобщенный признак, но семантика его шире словарных дефиниций [11;16;18;32]. Словари современного русского языка семантизируют слово *цель* следующим образом: 1. Предмет, место, в которое надо попасть при стрельбе или метании; 2. То, к чему стремятся, чего хотят достичь. ♪ Заранее

намеченное задание, замысел [26; т.IV, с.638]. В лексикографических исследованиях отмечается также выдвижение на первый план семантики мотива: 1. Намерения, желания субъекта; 2. Результат, достигаемый субъектом [14]. Слово *цель* во втором значении Л.О.Чернейко рассматривает как находящееся на высшей ступени лестницы единиц метаязыка, как предельно абстрактное и предельно пустое слово (см. также: *условие, причина, место*) [34,с.116]. Известно, что это именование общефилософской категории, характеризующей сознательную деятельность человека. В то же время это «предельно абстрактное имя», заключающее в себе «невидимый, умопостигаемый, интеллигибельный мир» [34,с. 283], этимологически прорастает из мира физического, видимого. Являясь именованием концепта, оно включает в себя и общечеловеческие, и национальные, и индивидуальные интуитивные знания. Одним из способов выявления этих знаний является анализ внутренней формы слова-именования концепта.

Ю.С. Степанов, обращаясь к лингвистическому пониманию внутренней формы слова-концепта, сравнивает его с этимологией культурного концепта в широком понимании и замечает при этом, что наиболее четкое и «работающее» определение внутренней формы слова принадлежит А.А. Потебне [32,с. 46-49]. Известно, что в трудах А.А. Потебни трактовка внутренней формы слова претерпела определенные изменения (подробней см.: [2,с. 20-27; 6; 7]). В работе «Мысль и язык» внутренняя форма трактуется как равнозначная этимологическому значению [22,с.74], как «отношение содержания мысли к сознанию», как то, благодаря чему происходит не только порождение речи, но и ее восприятие, поскольку она «дает направление мысли слушателя» [22, с. 129]. В более поздних работах внутренняя форма представляется как «образ образа», причина и условие апперцепции образов и представлений в слове, способ выражения его смысла, «внеязыкового содержания» [21, с. 47].

Рассматривая развитие идей языковой динамики в работах А.Ф. Потебни, заложившего основы изучения динамического аспекта языка в отечественной лингвистике, Ф.С. Бацевич пишет, что «понятие внутренней формы в концепции А. Потебни связывается с онтологией языка, и поэтому ее можно квалифицировать как концептуальный признак, закрепленный в слове» [2,с.25] (Перевод с украинского языка – мой. – Т.Я.). Понятие внутренней формы предстает как трехчленная сущность, включающая: значение, внутреннюю форму как компонент формальный и одновременно богатый содержанием и внешнюю форму («звучание слова») [2]. (См. понимание этимологии и внутренней формы слова в современной отечественной лингвистике [18:25:31]). Относительно слова *цель*, очевидно, можно говорить о совпадении внутренней формы и этимологии.

Анализируя внутреннюю форму имени культурного концепта 'Цель' и доказывая его неразрывную слитность с культурным концептом 'Причина', Ю.С. Степанов приводит данные греческого языка (и отчасти – латинского). В «Метафизике» Аристотеля 'цель' включается в четвертую группу 'причин', значение которой 'то, ради чего' (также – «благо») (ср. у средневековых философов: *causa finalis* – «конечная причина»). Как указывает Ю.С. Степанов, у Аристотеля (Метафизика, I, II) этот концепт имеет и синонимичное обозначение – *tò telos* (*to' te'los*). Внутренняя форма греческого слова связывается с предметом – вещью: «телос» – это столб, отмечающий **конец** беговой дорожки на конных состязаниях: там надо было повернуть лошадей и скакать обратно. Ю.С. Степанов видит в этом слове прежде всего первоначальную идею поворота цикла и использует ее для подтверждения единства концепта 'Причина' – 'Цель': причина оказывается целью, цель превращается в причину; сама суть заключается в идее круговорота. Приводится также мнение этимологов, что названное греческое слово восходит к индоевропейскому корню, означающему «колесо, круг» – **k^uel* – // **k^uol* -, от которого также и русские *коло, колесо* [32,с 768] (см. также исследования о развитии на основе *telos* абстрактного значения завершенности, которое впоследствии преобразовалось в значение цели [1; 13^а]).

Эту информацию следует дополнить данными латинского языка, в котором с аналогичным значением употреблялось слово *meta*: 1) «конус или пирамида»; 2) «мета, начальный и конечный (призовой) столбы, старт и финиш на ристалищах (которые семикратно огибались участниками состязаний)»; 3) «точка, которую следует объехать; поворотный пункт»; 4) цель, конечный пункт.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА-ИМЕНОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА 'ЦЕЛЬ'

предел [9, с. 633; 15, с. 400]. См. также материал о сближении слова *место* (укр. місто, пол. miasto «город») с латинским *meta* «пирамида», др.-инд. *methis* м., *methi* ж. «столб», ирландским *methos* «пограничный знак» (из * *mitosto*) [33, т.2, с.607-608], наглядно демонстрирующий не только исходное пространственное значение слова *цель*, но и семантику 'граница', 'предел'.

Как считает В.В. Виноградов, в русский литературный язык слово *цель* вошло не позже XVII в. Оно не включено ни в «Материалы к словарю древнерусского словаря» И.И. Срезневского, ни в «Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.)» под ред. Р.И. Аванесова. По данным П.Я. Черных и В.В. Виноградова, слово *цель* впервые было зафиксировано в 1731 г. в «Немецко-латинском и русском лексиконе» [5, с. 1043; 35, т. II, с. 365]. Примечательно, что в этом издании дается достаточно полная семантизация слова, близкая к современной.

М. Фасмер указывает на происхождение слова *цель*, укр. *ціль* из ср.-в.-немецкого *zīl* «цель» через польский *cel* [33, с. 297]. Проф. Бодуэн де Куртенэ, редактируя словарь В.И. Даля, также замечает, что это слово заимствовано из польского языка, в который попало из немецкого [5, с. 1043]. П.Я. Черных пишет о слове *цель* как об одном из ранних славянских заимствований из ср.-в.-немецкого: *zīl* – «цель» (в стрельбе); *zīlōn: zīlēn* – «целить» (совр. немецкий *Ziel* – «цель», «предел», *zielen* – «целить»). Но П.Я. Черных, в отличие от Брюкнера и Фасмера, не считает доказанным «польское посредство». По его мнению, «посредниками» могли быть и словацкие говоры, а позже и украинские [35, т. II, с. 365].

В родственных славянских языках выделяется этимон *cil*, соотносимый прежде всего со значением 'мишени': украинское *ціль, цільовий, цілити*; белорусское *цэль, цэліць, цэліцца*; болгарское *цел, целя се* – «целью»; сербо-хорватское *ціль*, чешское *cil*, словацкое *ciel'*, польское *cel* (ст.-польское *cyl*), верхне-лужицкое *cyl*; нижне-лужицкое *cil, cilowas'* – «целить (ся)» [35, т. II, с. 365].

В этой же словарной статье указывается на употребление в ряде славянских языков слов с корнем *met* (-а), соответствующих русскому *цель* в переносном значении: украинское *мета*, белорусское *мэта*, сербо-хорватское *ме'та*. Известно, что с аналогичным значением употреблялось и русское *мета*. БАС и МАС в словарных статьях *Ме'та*, представляя прямое значение как 'знак, отмета', указывают и устаревшее 'Цель, мишень', отмечается также и переносное значение 'о предмете стремлений, желаний'. [27, т.17, с. 895; 26, т.2, 258]. См. индоевропейский корень **met*-«производить движение руками, как при косье, жатве, при подметании и пр.» [35, т. I, с. 527].

В современном украинском языке слово *мета* выступает как синоним слова *ціль*, но преимущественно в абстрактном значении [29, т. 4, с. 683]. В «Словаре украинского языка» Б.Д. Гринченко *мета* переводится как *цель* в абстрактном значении; но в то же время дается устойчивое сочетание *на близьку мету* (Волын. Г.) 'в близком расстоянии', в котором реализуется пространственное значение. Чрезвычайно интересно зафиксированное в словаре значение: *мета* – 'род игры в мяч' [28, т. 2, с. 419]. С игрой в мяч, а точнее – с пространственной семантикой 'предела', связано переносное значение английского слова *goal* (основное значение – 'цель': *He set himself a difficult goal* – он поставил себе трудную задачу//цель); *goal* – 2. (спорт.) ворота; *keep goal* – защищать ворота; также: гол [42, с. 827].

В современном польском языке прямое и переносное значение слова *цель* передается в основном как *cel* [40, т. 1, с. 941]. Значение 'цель' в слове *meta* современные словари представляют как устаревшее *dobic' się do mety* – 'достичь цели'. Любопытно, что и другие значения слова *meta*, включающие сему 'пространство', маркируются как устаревшие: *meta*; 2. уст. 'конец, предел'; 4. уст. 'дистанция, расстояние'; 5. уст. 'барьер (на дуэли)'. Современное значение лексемы *meta* определяется как спортивный термин 'финиш', *zblizać się do mety* 'приближаться к финишу'. Компонент *meta* входит в состав фразеологизмов с пространственной (± *mety* – с *места*) и темпоральной семантикой будущего времени: *na bliską (kro'tką) metę* – 'на короткий срок'; *na długą metę* 'на долгий срок, надолго'; *plany na bliszą (dalszą) metę* 'планы на ближайшее (на более отдаленное) будущее'. См. также метафорическое выражение *Życie dobiega mety* [41, с. 382] (ср. латинское *fatalis meta* – последняя черта, край могилы [9, с. 633]), которому соответствует русское *Жизнь приближается к концу*. Можно добавить, что на материале русских фольклорных

текстов соотносительность 'Цели' с 'Концом' прослеживается весьма выразительно (см. обращение к этому материалу в: [37]).

Представленный материал убедительно подтверждает онтологическую связь целевых значений с пространственно-временными, что находит отражение в образной составляющей концепта 'Цель'. См. известное положение Дж. Лакоффа об образной схеме «Источник – путь – цель» [13, с. 358-362; 369-375] и классическое утверждение Н.Д. Арутюновой об образе пути как основном источнике «языка цели» на русской почве [1, с. 390]. Но, помимо этого, проведенное мной исследование позволяет утверждать, что исходное значение 'прицеливание', 'примеривание' также получило развитие в смысловой составляющей концепта 'Цель' ('намерение') и в образной схеме 'мишени', включающей компонент 'зрение'. См. у П.Я. Черных о значении слов с корнем *mit/mer*: сербохорватское *na'mera*, чешское *mititi* – «целиться» (ср.: *намерение*).

Своеобразное преломление культурного концепта 'Цель' находим в лексике, отражающей значение 'недостижение цели'. В русском языке самыми выразительными репрезентантами этого смысла являются выражение *не достичь цели*, наречия *напрасно*, *без толку*; *впустую*, *даром*, а также ряд глаголов и глагольных фразеологизмов, включающих смысловой компонент 'ошибочный удар': *прамахнуться*, *дать прамах*, *допустить прамашку*; *прамазать*, *пратететь*, *попасть в белый свет*, *стрелять на ветер* и др. Именно этот ряд, характерный для разговорной речи, представляет одну из недостаточно выявленных образных составляющих концепта 'Цель', связанных со значением 'зрение' (физическое и внутреннее) как определяющим условием достижения цели.

Любопытно, что в китайском языке слово *цель* (в прямом и переносном значении) передается двумя иероглифами, первый из которых обозначает 'глаз', а второй – 'знак'; см. также слово *целестремленный*, представленное иероглифами 'иметь', 'глаз' и 'знак') [4, с. 1263].

В польском языке значение 'невыполнение цели' передается прежде всего посредством глаголов движения: *Mijac' się, zostijac' się = celem* [43, t. 1, s. 128]; *To się mija = celem* [40, t. 1, s. 446].

Выводы:

1. Обращение к внутренней форме слова *цель* позволило расширить представления об онтологических связях целевых значений с пространственно-временными.

2. Данные сравнительно-исторического анализа оказались актуальными для современного исследования культурного концепта 'Цель', т.к. они не только позволяют увидеть его в контексте мировой культуры, но и выявляют его национальную специфику.

3. Во внутренней форме слова *цель*, помимо концептуального признака 'путь', закреплён концептуальный признак 'мишень'.

Перспективы исследования состоят в расширении исследований этимонов *cel* и *met* в родственных славянских языках, а также в обращении к материалу неродственных языков.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. – М.: Индрик. 2003. – С. 386-396.
2. Бацевич Ф.С. Нариси з комунікативної лінгвістики: Монографія. – Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка. 2003.
3. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии. – Симферополь: Доля. 2002.
4. Большой русско-китайский словарь. – Пекин Изд.: Шанву иншугуань. 1993.
5. Виноградов В.В. История слов. – М.: Толк. 1994.
6. Голянич М. Внутрішня форма слова і художній текст. – Івано-Франківськ. 1997.
7. Гречко В.А. Семантическая терминология А.А. Потебни как система // Наукова спадщина О.О. Потебні і сучасна філологія. – К., 1985.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. – М., 1978. – 1980.
9. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М.: Русский язык. 1976.
10. Иванова Л.П. Кавказ в русском языковом сознании XIX–XX столетий. – К., 2004.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА-ИМЕНОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА 'ЦЕЛЬ'

11. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб.: Златоуст. 1999.
12. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Наука. 1996.
13. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры. 2004.
- 13^a. Левинская О.Л. История и семантика термина *telos* в языке древнегреческой философии: Дис... канд. филол. наук. – М., 1987.
14. Левонтина И.Б. Целесообразность без цели // ВЯ. – 1996. – № 1. – С. 42-57.
15. Литвинов В.Д. Латинсько-український словник. – К.: Українські пропілеї. 1998.
16. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв.РАН.сер.лит. и яз. – 1993. – №1.
17. Манакин В.Н. Природа языка как основа его тождественности и многообразия (философские заметки лингвиста) // Collegium 1. – Киев. 1997. – С. 24-30.
18. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. – К.: Знання. 2004.
19. Маслова В.А. *Notio Lingualis* в культуре: монография. – Витебск. 2004.
20. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – Минск. 2004.
21. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 1-2. – М., 1958.
22. Потебня А.А. Мысль и язык. – К., 1993.
23. Радзиевская Т.В. Семантика слова *цель* // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. – М.: Индрик. 2003. – С. 397-402.
24. Радзівська Т.В. Концепт шляху в українській мові: подання ідей простору і руху // Мовознавство. – 1997. – №№ 4-5. – С.17-26.
25. Русанівський В.М. Структура лексичної і граматичної семантики. – К., 1988.
26. Словарь русского языка: В 4 т. – М., 1981-1984.
27. Словарь современного русского литературного языка. – Т.1-17. – М., 1950-1965.
28. Словарь української мови. Ред. Б. Грінченко. Т.1- IV. – Київ. 1908-1909.
29. Словник української мови. Т. IV. – К.: Наукова думка. 1973.
30. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia. 2000.
31. Снитко Е.С. Внутренняя форма номинативных единиц. – Л., 1990.
32. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.
33. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс. 1987.
34. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., 1997.
35. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. – 3-е изд. – М.: Русский язык. 1999.
36. Яценко Т.А. Семантика «ради» как область пересечения культурных концептов 'радость', 'цель' и 'причина' // Язык и культура. – Вып.6. т.3. ч.1. – К., 2003. – С.381-388.
37. Яценко Т.А. Концептуальное представление 'Причины' и 'Цели' в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. // Вісник Черкаського університету. Вип. 46.: "Філологічні науки". – Черкаси. 2003. – С. 55-62.
38. Яценко Т.А. Пересечение культурного концепта «Цель» с другими культурными концептами (на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») // Ученые записки ТНУ. – Т.17 (56). – №1: Филол. науки. – Симферополь. 2004. – С.127-142.
39. Яценко Т.А. Внутренняя форма именования культурного концепта 'Причина' // Система і структура східнослов'янських мов: Зб. наук. праць. – К.: Знання України. 2005. – С. 129-137.
40. Hessen D., Stypuła R. Wielki słownik polsko-rosyjski. – Warszawa: Wiedza Powszechna. 1998.
41. Mały słownik języka polskiego // Pod Red. St. Skorupki. – Warszawa: PWN. 1974.
42. Skorupka St. Słownik frazeologiczny języka polskiego: 2t. – Warszawa: Wiedza Powszechna. 1974.
43. The Oxford Russian Dictionary. Third edition. – Oxford University Press. 2000.

Поступила в редакцию 07.02.2005 г.